

И.Г. Дубровская

Петя Трофимов

Трофимов Петр Сергеевич — персонаж пьесы Чехова «Вишневый сад», сын аптекаря, студент Московского университета, «в поношенном студенческом мундире, в очках». Шесть лет назад он был учителем Гриши, семилетнего сына Раневской. Мальчик утонул, купаясь в реке, и воспоминания об этом очень тяжелы для матери. Узнав о возвращении Раневской и Ани, Петя приехал в имение, поселился в бане, чтобы никому не мешать и не стеснять хозяев. Опасаясь, что он напомнит Раневской о ее горе, Варя не хочет будить Трофимова, просит подождать до утра, но Петя нарушает договор, приходит раньше времени:

«Я только поклонюсь вам и уйду. (*Горячо целует руку.*) Мне приказано было ждать до утра, но у меня не хватило терпения...»

Увидев, что Раневская глядит с недоумением, не узнает его, Трофимов поясняет:

«Петя Трофимов, бывший учитель вашего Гриши... Неужели я так изменился?»

Раневская удивлена перемене, которая произошла с ним:

«Отчего вы так подурнели? Отчего постарели?»

«Вы были тогда совсем мальчиком, милым студентиком, а теперь волосы негустые, очки. Неужели вы все еще студент?»

Трофимов отвечает полушутя:

«Должно быть, я буду вечным студентом... меня в вагоне одна баба назвала так: облезлый барин».

Эту самохарактеристику («вечный студент», «облезлый барин») подхватит Варя, когда Трофимов будет дразнить ее:

В а р я (*сердито*). Облезлый барин!

Т р о ф и м о в . Да, я облезлый барин и горжусь этим!

Т р о ф и м о в (*дразнит Варю*). Мадам Лопахина!

В а р я (*сердито*). Вечный студент! Уже два раза увольняли из университета.

О возрасте Пети можно судить по репликам действующих лиц. Лопахин иронизирует:

«Ему пятьдесят скоро, а он все еще студент».

Раневская сердито бросает Трофимову:

«Вам двадцать шесть или двадцать семь, а вы все еще гимназист второго класса!»

Сам Трофимов сообщает:

«Мне еще нет тридцати, я молод, я еще студент, но я уже столько вынес! Как зима, так я голоден, болен, встревожен, беден, как нищий, и — куда только судьба не гоняла меня, где я только не был!»

Петя Трофимов часто говорит о будущем, оно кажется ему прекрасным:

«...Душа моя всегда, во всякую минуту полна неизъяснимых предчувствий. Я предчувствую счастье, Аня, я уже вижу его...»

«Вот оно, счастье, вот оно идет, подходит все ближе и ближе, я уже слышу его шаги. И если мы не увидим, не узнаем его, то что за беда? Его увидят другие!»

«Обойти то мелкое и призрачное, что мешает быть свободным и счастливым, вот цель и смысл нашей жизни. Вперед! мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали! Вперед! Не отставайте, друзья!»

Петя Трофимов искренне убежден: надо жить и трудиться во имя России, во имя человечества. Понятия «Россия» и «человечество» стоят рядом в его взволнованных и пространных монологах:

«Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы. Все, что недостижимо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину. У нас, в России, работают пока очень немногие»

«Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле, и я в первых рядах!»

Петя Трофимов склонен к рассуждениям абстрактно-возвышенного толка: он оценивает прошлое, настоящее, будущее, делает обобщения. Обращаясь к Ане, он говорит о дворянстве:

«Подумайте, Аня: ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостниками, владевшими живыми душами, неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов... Владеть живыми душами — ведь это переродило всех вас, живших раньше и теперь живущих, так что ваша мать, вы, дядя, уже не замечаете, что вы живете в долг, на чужой счет, на счет тех людей, которых вы не пускаете дальше передней... Мы отстали по крайней мере лет на двести, у нас нет еще ровно ничего, нет определенного отношения к прошлому, мы только философствуем, жалуемся на тоску или пьем водку. Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом...»

Планы переустройства русской жизни на буржуазный лад Петя не принимает.

Из реплик действующих лиц можно судить о темах бесед, в которых участвует Петя Трофимов: «о планетах», «о гордом человеке». Трофимова волнует судьба интеллигенции, ее роль в переустройстве России.

«Громадное большинство той интеллигенции, какую я знаю, ничего не ищет, ничего не делает и к труду пока не способно. Называют себя интеллигенцией, а прислуге говорят “ты”, с мужиками обращаются, как с животными, учатся плохо, серьезно ничего не читают, ровно ничего не делают, о науках только говорят, в искусстве понимают мало. Все серьезные, у всех строгие лица, все говорят только о важном, философствуют, а между тем у всех на глазах рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота... И, очевидно, все хорошие разговоры у нас для того только, чтобы отвести глаза себе и другим. Укажите мне, где у нас ясли, о которых говорят так много и часто, где читальни? О них только в романах пишут, на самом деле же их нет совсем. Есть только грязь, пошлость, азиатчина... Я боюсь и не люблю очень серьезных физиономий, боюсь серьезных разговоров. Лучше помолчим!»

Судить о характере Пети помогают оценки действующих лиц. По-дружески, но несколько иронически относится к нему Лопухин:

«...Что ж, профессора не читают лекций, небось все ждут, когда приедешь».

«Наш вечный студент все с барышнями ходит».

Расставаясь, он обнимает Петю, предлагает деньги:

«Прощайте, голубчик. Спасибо за все. Ежели нужно, возьми у меня денег на дорогу».

Трофимов отказывается:

«Для чего мне? Не нужно.

Лобахин оставляет иронический тон:

«Ведь у вас нет!»

Петя Трофимов принимает этот стиль общения:

«Есть. Благодарю вас. Я за перевод получил. Вот они тут, в кармане».

Лобахин настаивает, опять переходя на «ты» («...предлагаю тебе займы, потому что могу. Зачем же нос драть...»), вынимает бумажник, но Трофимов отказывается:

«Оставь, оставь... Дай мне хоть двести тысяч, не возьму. Я свободный человек. И все, что так высоко и дорого цените вы, богатые и нищие, не имеет надо мной ни малейшей власти, вот как пух, который носится по воздуху. Я могу обходиться без вас, я могу проходить мимо вас, я силен и горд».

В долгом и непросто разговоре с Петей Трофимовым Раневская отвечает на его призыв не обманывать себя, смотреть правде в глаза:

«Какой правде? Вы видите, где правда и где неправда, а я точно потеряла зрение, ничего не вижу. Вы смело решаете все важные вопросы, но скажите, голубчик, не потому ли это, что вы молоды, что вы не успели перестрадать ни одного вашего вопроса? Вы смело смотрите вперед, и не потому ли, что не видите и не ждете ничего страшного, так как жизнь еще скрыта от ваших молодых глаз? Вы смелее, честнее, глубже нас, но вдумайтесь, будьте великодушны хоть на кончике пальца, пощадите меня».

Петя стал близок и дорог Раневской:

«...Я вас люблю, как родного. Я охотно отдала бы за вас Аню, клянусь вам, только, голубчик, надо же учиться, надо курс кончить. Вы ничего не делаете, только судьба бросает вас с места на место, так это странно...».

Когда разговор заходит о странностях любви и о ее парижской привязанности, Раневская сердится, считая, что Петя не должен был называть человека, обобравшего ее, негодяем и ничтожеством:

«Надо быть мужчиной, в ваши годы надо понимать тех, кто любит. И надо самому любить... надо влюбляться! (*Сердито.*) Да, да! И у вас нет чистоты, а вы просто чистюлька, смешной чудак, урод...»

О своих отношениях с Аней Петя Трофимов говорит:

«Мы выше любви».

Раневская вспоминает эти слова:

«“Я выше любви”! Вы не выше любви, а просто, как говорит наш Фирс, вы недотепа».

Для Раневской Петя — «смешной человек», «чистая душа».

Трофимове явно нравится семнадцатилетняя дочь Раневской Аня. «В умилении» он говорит о ней, когда никто не слышит:

«Солнышко мое! Весна моя!»

Она является самой благодарной слушательницей Пети:

А ня (*всплескивая руками*). Как хорошо вы говорите!

Слова Пети Трофимова ее волнуют:

«Что вы со мной сделали, Петя, отчего я уже не люблю вишневого сада, как прежде? Я любила его так нежно, мне казалось, на земле нет лучше места, как наш сад».

Непросто складываются отношения Трофимова с Варей, приемной дочерью Раневской. Он часто дразнит Варю, подтрунивает над ней, называет «Мадам Лопахина». Петя объясняет это так:

«Уж очень она усердная, не в свое дело суется. Все лето не давала покоя ни мне, ни Ане, боялась, как бы у нас романа не вышло. Какое ей дело? И к тому же я вида не подавал, я так далек от пошлости. Мы выше любви!»

В ответ на очередную шутку Петя Варя говорит:

«Студенту надо быть умным!»

В общих разговорах именно Варя «заказывает» Трофимову темы:

«Вы, Петя, расскажите лучше о планетах».

Когда речь зашла не о планетах, а о жизни и смерти, Петя высказал свое мнение:

«...и что значит — умрешь? Быть может, у человека со смертью погибают только пять, известных нам, а остальные девяносто пять остаются живы».

Пристрастие Трофимова к философствованию, звонкой фразе, поучениям, рассеянность, категоричность суждений осложняют отношения Пети с окружающими, часто ставят его в комические положения (падает с лестницы, ищет калоши). Отсюда и определения-характеристики, звучащие в тексте: «вечный студент», «облезлый барин», «чистюлька», «смешной урод», «недотепа».